

⁴³ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 231.

⁴⁴ Там же. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 645.

⁵ См.: *Темушев В.Н.* Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009.

⁴⁶ АМГ. Т. 1. С. 552 ; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 112. Л. 206–219.

⁴⁷ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 39–40.

⁴⁸ Там же. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 169.

⁴⁹ Там же. Л. 268–271.

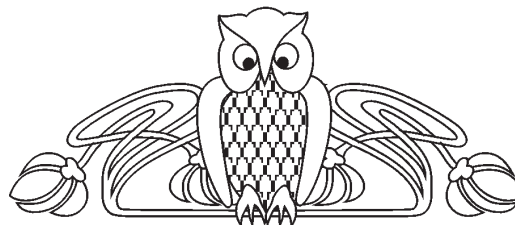
УДК 94 (470.44–25).04+929 Феофила́тьев

ВОЕВОДА САРАТОВА ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ФЕОФИЛА́ТЬЕВ (1634–1637)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет

E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова, связанные с пребыванием в этом городе воеводы Григория Ивановича Феофила́тьева. Впервые представлена подробная биография этого деятеля Смутного времени, который участвовал в подавлении восстания Болотникова, а затем перешел на сторону Лжедмитрия II. Автор прослеживает дальнейшую судьбу этого человека, который при Михаиле Романове был воеводой в Алатыре, Касимове, Сургуте, а также послом в Персии.

Ключевые слова: Смутное время, Саратов, воевода, Григорий Феофила́тьев, Персия.

The Voivode of Saratov Grigory Ivanovich Feofilatyev (1634–1637)

Ya. N. Rabinovich

In article unknown pages of history of the left bank of Saratov are considered. They are associated with staying in the city voivode Grigory Ivanovich Feofilatyev. For the first time detailed biography of this figure of the Time of Troubles is presented. He participated in the revolt of Bolotnikov, and then has come over to the side of Lzhedmitrij II. The author traces future destiny of this man, who in the reign of Michael Romanov was a voivode in Alatyry, Kasimov, Surgut, and ambassador to Persia.

Key words: Time of Troubles, Saratov, voivode, Grigory Feofilatyev, Persia.

Сведений о воеводе Саратова Григории Ивановиче Феофила́тьеве (вариант – Фефила́тьев) сохранилось немало. Однако биография этого человека до настоящего времени так и не была написана. Впервые попытку собрать всю информацию об этом воеводе предпринял А. А. Гераклитов. Вслед за А. П. Барсуковым он указал на основные этапы биографии Г. И. Феофила́тьева: «... воевода на Алатыре (1614–1615), в Касимове (1617–1618) и в Сургуте (1620 – 1622)», а также уточнил время пребывания его на посту воеводы Саратова (1635 – август 1637 гг.)¹. Исследователь указал на новые источники, неизвестные А. П. Барсукову, который ранее считал, что Г. И. Феофила́тьев находился в Саратове только в 1636–1637 гг. А. П. Барсукову были известны только Записные книги Московского стола, в которых указано, что

в 1636–1637 гг. «на Саратове Григорей Иванов сын Феофила́тьев»².

Современный саратовский краевед В. Н. Семенов, процитировав труд Гераклитова, дополнительно привел сведения из Саратовской летописи о том, что Г. И. Феофила́тьев «вместе с сыном Василием храбро сражался против крымских татар на речке Нойло». Восклицанием «Где находилась такая и когда это было?» уважаемый краевед завершил повествование об этом воеводе³.

Столь незначительная информация о воеводе Саратова Григории Ивановиче Феофила́тьеве не может быть признана удовлетворительной, ведь в трудах СУАК, введенных в научный оборот ещё до революции, а ныне «выложенных» в Интернете и доступных любому исследователю, довольно часто упоминается этот воевода. Особую ценность представляют статья Павла Петровича Смирнова, написанная в 1916 г., а также приведенные этим исследователем уникальные источники по истории левобережного Саратова. В этих источниках дается подробная характеристика гражданского населения Саратова в 1634 г. и рассмотрена деятельность Г. И. Феофила́тьева на посту саратовского воеводы именно в это время (а не с 1635 г., как считал А. А. Гераклитов). Кроме того, многие историки XIX в. подробно освещали ещё одну страницу биографии нашего героя (посольство в Персию), которая почему-то оказалась неизвестной саратовским краеведам.

На основании опубликованных источников попробуем проследить основные этапы биографии воеводы Григория Ивановича Феофила́тьева. Известно, что в конце XVI в. некоторые представители дворянского рода Феофила́тьевых служили в качестве жильцов (1588/1589 г. – Богдан Иванович)⁴, а также выборных дворян из Юрьева-Польского. Среди этих дворян по выбору можно отметить Ивана и Юрия Андреевичей (оклад 500 чети), а также сыновей Юрия Андреевича Дениса и Степана, которые служили «с отцова оклада» в 600 чети и к 1603 г. уже умерли. В Боярском списке 1602/1603 г. упоминается их родственник, Богдан Иванович, который, судя по

небольшому окладу в 300 чети в 1602/1603 г., не имел ничего общего с упомянутым жильцом Богданом Ивановичем Феофиладельцевым⁵. Некий Иван Феофиладельцев весной 1583 г. участвовал в мирных переговорах со шведами на реке Плюсса возле Гдова («на съезде для швейского дела») вместе с послами князем И. С. Лобановым-Ростовским, И. П. Татищевым и дьяком Д. Петелиным. Возможно, этот же Иван Феофиладельцев упоминается в Разрядах в качестве пристава, которому царь Федор Иванович в апреле 1588 г. поручил отвести на службу князя Андрея Голицына (местнический спор А. Голицына и Т. Трубецкого)⁶.

Григорий Иванович Феофиладельцев, герой данного очерка, был **владимирским помещиком**, служил по выбору. Его генеалогическое древо, а также связь с вышеупомянутыми помещиками Феофиладельцевыми (Феофиладельцевыми) установить довольно сложно⁷. Этот выборный дворянин из Владимира редко упоминается в источниках Смутного времени. В боярском списке 1606/1607 г. он записан выборным из Владимира с окладом 600–650 чети⁸. Эта запись свидетельствует о том, что Г. И. Феофиладельцев участвовал в подавлении восстания Болотникова и не был к тому времени юным новиком. Он родился в начале 1580-х гг., более точную дату рождения определить трудно.

Некоторую помощь в выяснении отдельных страниц биографии этого человека могут оказать такие источники, как Разрядные столбцы сыска денежных окладов. Эти источники были составлены позднее, уже при Михаиле Романове. Однако именно они позволяют выяснить, чем занимался наш герой в первые годы Смуты.

Одной из главных забот правительства Михаила Романова было создание своей основной опоры – служилого класса. Во время Московского разорения пропали почти все документы, содержащие записи о денежных окладах кормленщиков (служилых людей, получающих жалование из Костромской, Галицкой и других четвертей). Речь идет о так называемых Четвертных кормленных книгах и памятях из Разряда в Чети, которые служили для составления кормленных книг. Необходимо было восстановить прежнюю стройную систему служебных и имущественных отношений служилых людей, их права на получение денежного жалования в размере тех или иных окладов.

В связи с пропажей этих документов, для того чтобы проверить «сказки» челобитчиков, правительству приходилось прибегать к сыскам (опросам). Хорошо, если из городов присылали сыскные списки и десяти. Часто дьяки Разрядного приказа сами проводили сыск для выяснения прежних окладов служилых людей. Сыск велся многими дворянами порознь, выбирали осведомленных лиц. Обычно этими осведомленными людьми были товарищи по службе того лица, об окладе которого производился сыск. Сведения об одном из таких людей, князе Василии Борятин-

ском, в результате сыска сообщили 10 московских дворян, среди которых записан Г. И. Феофиладельцев. Эти люди были сослуживцами князя Василия Борятинского.

25 марта 1614 г. в Москве «сказали по крестному целованию в сыску дворяне ... Григорий Иванов сын Феофиладельцев...» о службе князя Василия Борятинского при царе Василии Шуйском. Можно с большой долей вероятности утверждать, что Григорий Иванович Феофиладельцев воевал вместе с князем Василием Борятинским в сентябре 1606 г. под Калугой в составе войска князя Ивана Шуйского против Ивана Исаевича Болотникова. В результате этого боя дальнейшее наступление болотниковцев на Москву было временно приостановлено. Затем Г. И. Феофиладельцев участвовал в составе войска князя М. В. Скопина-Шуйского в бою «на реке на Пахре с воры с казаки». В сыску сохранилось упоминание ещё об одном сражении: «...как Вор пришел на Москву и был бой под Москвою на Егорьев день»⁹. Судя по последней записи, Г. И. Феофиладельцев оставался верен Василию Шуйскому не только во время восстания Болотникова, но и в начальный тушинский период, сражаясь под Москвой с Лжедмитрием II в 1608 г.

В Разрядных записях сохранились сведения о том, что осенью 1608 г. Г. И. Феофиладельцев был отправлен в Касимов к касимовскому царю Ураз-Мухаммеду в качестве головы в составе отряда князя Ивана Михайловича Борятинского (здесь же перечислены ещё 4 головы – Данила Келарев Протасьев, Иев Лачинов, Карп Волков, Федор Баранцов). Этим воеводам было приказано идти со служилыми людьми из Шацка, Алатыря и Арзамаса в Суздаль, который захватили тушинцы Федора Плещеева, и освободить этот город¹⁰. Однако в это время положение царя Василия Шуйского было непрочным, многие служилые люди стали переходить на сторону самозванца. Касимовский царь также держал сторону то Василия Шуйского, то самозванца, то поляков и в итоге был убит Лжедмитрием II в 1610 г.

Сохранилось дело дворянина Григория Аргамакова, из которого следует, что Г. И. Феофиладельцев был одним из «тушинских перелетов». Эти новые источники, введенные в научный оборот И. О. Тюменцевым, Н. Е. Тюменцевой и Н. А. Тупиковой, позволяют сделать вывод, что к весне 1609 г. Г. И. Феофиладельцев уже находился на стороне Лжедмитрия II. 19(29) апреля 1609 г. Григорий Феофиладельцев одним из первых среди владимирских дворян и детей боярских «приложил руку» к сыскным речам по поводу измены «царю Дмитрию Ивановичу» Григория Аргамакова. Этот обыск проводил тушинский «окольный» Федор Кириллович Плещеев. Впереди Г. И. Феофиладельцева в данном списке стоит «стольник князь Федор Тимофеев сын Чернова Оболенского» – в будущем первый воевода левобережного Саратова. Все подписавшиеся сказали, что они не ведали никакой измены Григория Аргамакова: «А речи

писал Григорий Феофилаьев»¹¹. Наш герой был достаточно грамотным человеком, умел хорошо писать.

Как протекала служба Г. И. Феофилаьева после освобождения весной 1609 г. Владимира царскими войсками боярина Федора Ивановича Шереметева, неизвестно (в этих боях отличился будущий воевода Царицына Федор Васильевич Левашов). Касимов, куда осенью 1608 г. отправляли Г. И. Феофилаьева, был в мае 1609 г. взят воеводой Ф. И. Шереметевым в результате жестокого приступа. Возможно, после ряда поражений тушинцев Григорий Феофилаьев перешел на сторону Василия Шуйского, а в августе 1610 г. вместе с москвичами присягнул польскому королю Владиславу.

В дальнейшем Г. И. Феофилаьев участвовал в Подмосковном ополчении Прокопия Ляпунова. В боярском списке 1610–1611 гг. он записан среди 14 помещиков Владимира по выбору с окладом в 650 четей¹². По-видимому, Григорий Феофилаьев отличился при освобождении Москвы от поляков в 1612 г. От правительства Трубецкого и Пожарского или от боярского правительства Михаила Романова он вскоре получил повышение в чине. В первые годы царствования Михаила Романова мы видим Г. И. Феофилаьева уже **дворянином московским**. Именно в этом чине он записан 25 марта 1614 г., когда проводился сыск о службе князя В. Борятинского. Вскоре после проведения данного сыска, уже к началу лета 1614 г., Г. И. Феофилаьев был назначен в Алатырь вторым воеводой. В Дворцовых разрядах за 1613/1614 г. записано: «*На Олатыре воевода Петр Иванов сын Бутурлин; и Петру велено быть к Москве, а на Олатырь послан князь Петр Ахамашукович Черкасской да Григорей Иванов сын Феофилаьев*»¹³.

Служба в Алатыре продолжалась недолго, всего около года. В Книгах разрядных за 1614/1615 г. в Алатыре указан вместо Григория Феофилаьева дьяк Иван Поздеев¹⁴. В 1616 г. в Боярском списке Г. И. Феофилаьев записан одним из последних как дворянин московский (на 273-м месте), «*поместный ему оклад по сыску 750 четей, из чети 42 рубли*»¹⁵. Мы видим, что его поместный оклад в первые годы царствования Михаила Романова значительно вырос (на 100 четей). О реальных земельных пожалованиях Г. И. Феофилаьеву за этот период сведений пока не обнаружено.

В тяжелое для страны время, когда польский король Сигизмунд III вместе с королевичем Владиславом предпринял поход на Москву, Григорий Феофилаьев в столице не было. Он не участвовал в обороне Москвы, его имя отсутствует в Осадном списке 1618 года¹⁶. Ещё в 1617 г. Григорий Феофилаьев получил назначение воеводой в Касимов¹⁷. В Разрядах за 1618 г. также записано, что «*в Касимове Григорий Иванов сын Феофилаьев*»¹⁸. Прошло десять лет с момента первой службы нашего героя в Касимове, и вот судьба

вновь забросила его в этот город. Здесь Г. И. Феофилаьеву пришлось быть не только воеводой, но и дипломатом. Номинально власть в городе принадлежала татарскому царевичу Арслан Алеевичу Кутумову, внуку сибирского хана Кучума. В городе в это время также проживал (умер в 1618 г.) знаменитый царевич Магомет-Кул (Маметкул), племянник хана Кучума¹⁹.

В 126 году (1617/1618 г.) в бытность воеводой в Касимове Г. И. Феофилаьеву пришлось оборонять этот город от воровских казаков. А. А. Гераклитов писал, что Г. И. Феофилаьев «*в 133 г. (1624/25) ходатайствовал о награждении за осадное сиденье в Касимове в 126 г.*»²⁰. Подробности этого осадного сиденья неизвестны. А. Л. Станиславский подробно остановился на действиях мятежных казаков в Вязниковском лагере осенью 1618 г., отряды которых ездили за добычей в Муромский и другие уезды, а также воевали с украинскими казаками гетмана Сагайдачного, но все эти события происходили уже в 127 г. (осенью 1618 г.)²¹. Кроме того, настораживает то обстоятельство, что эта челобитная о награждении была подана самим Г. И. Феофилаевым и не сразу после окончания Смуты, а через 7 лет. Возможно, правительство не было довольно действиями касимовского воеводы.

Отдельные отряды мятежных казаков и черкас находились в районе Мурома и Касимова вплоть до февраля 1619 г., даже после заключения Деулинского перемирия с Польшей. В 1619 г., уже после окончания Смуты, Григорий Феофилаьев сменил в Касимове новым воеводой Иван Гаврилов Бобрищев-Пушкин. Интересно отметить, что некая Пелагея Федоровна Феофилаьева (возможно, родственница Григория Ивановича) была замужем за Пушкиным.

В Москве Григорий Иванович пробыл недолго. Уже в феврале 1620 г. он был отправлен в Сибирь вторым воеводой в небольшой городок Сургут. В Книгах разрядных сохранилась запись: «*В Сургутском городе воеводы Иван Захарьев сын Кутузов да Григорей Иванов сын Феофилаьев, посланы в прошлом во 128 году февраля в 29 день*» (29 февраля 1620 г.)²². В Сургуте Григорий Иванович Феофилаьев вместе с Иваном Захарьевым Щукой-Кутузовым находились с мая-июня 1620 г. до конца 1623 г.²³

В Книгах разрядных за 1623 г. записаны эти же воеводы, Кутузов и Феофилаьев, а далее следует запись: «*И Иван и Григорей отпущены, а на их место посланы Иван Романов сын Безобразов да Федор Григорьев сын Шишкин*»²⁴.

Только в начале 1624 г. Григорий Феофилаьев вернулся из далекой Сибири в Москву. Но отдыхать дома ему особо не пришлось. Вскоре Г. И. Феофилаьеву предстояло выполнить ответственное посольское поручение – его назначили вторым послом в Персию к шаху Аббасу. Накануне отъезда в Персию Григорий Иванович и написал челобитную о награждении его за

прежнюю службу в Касимове²⁵. По-видимому, правительство удовлетворило эту просьбу, как это было принято перед отправкой послов в дальние страны.

Посольство в Персию в 1625 г. возглавил князь Григорий Васильевич Тюфякин. В состав посольства входили также Григорий Феофила́тьев и дьяк Федор Степанов (в некоторых документах – дьяк Федор Панов). Как обычно, послам в Москве вручили различные подарки для шаха Аббаса, среди которых наиболее ценными были кречеты. По пути в Персию летом 1625 г. посольство сделало остановку в Саратове. Местный воевода Федор Иванович Чемоданов отправил с послами до Царицына саратовских стрельцов для охраны каравана от нападения воровских казаков. Это было первое посещение Григорием Феофила́тьевым левобережного Саратова. Он ещё не знал, что менее чем через десять лет судьба забросит его в этот окраинный город на целых три года.

Об этом посольстве в Персию и об участии в нем Григория Феофила́тьева упоминается в ряде источников, опубликованных в середине XIX в., в том числе в Новом летописце и Дворцовых разрядах²⁶. Сведения из Нового летописца приведены у многих исследователей, включая С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского, К. Валишевского и других. Впервые на данный сюжет обратил внимание В. Н. Татищев, который, рассказывая о прибытии в Москву персидских послов Урусунбека и Мурат-бека с ризой Христовой (подарком от шаха Аббаса), писал: «*Присланных с ризою господнею послов персидских государь отпустил, и с ними послал кн. Григория Тюфякина да Григория Феофила́тьева*»²⁷. Данный труд В. Н. Татищева довольно поздно стал известен исследователям (впервые опубликован лишь в 1968 г.). С. М. Соловьев, используя многие архивные документы, подробно осветил пребывание русских послов Тюфякина и Феофила́тьева в Персии²⁸.

Современная исследовательница Татьяна Филагтова подробно остановилась на церемонии приема шахом русских послов, к сожалению, не указав на своих предшественников. Она отмечает, что послы Тюфякин и Феофила́тьев получили наказ, более чем на $\frac{3}{4}$ состоящий из предписаний церемониального характера. Старательное исполнение послами «*жестко сформулированных требований привело к международному скандалу и имело печальное последствие для самих дипломатов*»²⁹.

Это посольство Тюфякина и Феофила́тьева в Персию было неудачным, по поводу действий послов после их возвращения на Родину было возбуждено сыскное дело. Фактически это дело было сфабриковано, так как послы действовали строго по царскому наказу. Персидский посол Магмет Сали бек, приехав в Москву, жаловался на Тюфякина и Феофила́тьева. По пути в Персию погибли, не выдержав трудной дороги, почти все кречеты (всего их было 28). Это был самый

ценный подарок для шаха Аббаса, который к моменту приезда русских послов в Исфганан находился в походе под Багдадом и просил прислать ему этих птиц. Послы, согласно царскому наказу, должны были вручить все подарки только при личной встрече, поэтому они отказались выполнить требование шаха. Тюфякин и Феофила́тьев при встрече с шахом отдали ему двух или трех оставшихся в живых кречетов, а также перья и хвосты с головами остальных мертвых птиц, что возмутило шаха Аббаса.

Были у русских послов и другие «прегрешения». Они хотели одежду, подаренную шахом, надеть не поверх, а под русский кафтан. На приеме и торжественном обеде князь Г. В. Тюфякин не сумел выпить до конца чашу с вином, поданную шахом. Послы вовремя не прислали шаху по его просьбе «оконничных мастеров», не хотели представляться ему, когда на приеме находились послы из других стран, отказались поехать на площадь смотреть конное учение, хотя шах их позвал. Гнев шаха выразился в том, что послы даже не были допущены на отпускную аудиенцию. Хотя, как отмечал С. М. Соловьев, «*во всем этом послы поступили по букве наказа*». Бояре в Москве объявили персидскому послу, что «*царь верит шаху, что послы прогневали его, и потому велел положить на них наказание великое*». В приговоре сказано, что когда за столом у шаха пили царское здоровье, а князь Тюфякин не допил при этом своей чаши, то «*за такую вину послов следовало бы казнить смертью*». В ходе расследования обнаружилось также, что при возвращении на родину «*князь Тюфякин в городе Ардебиле велел украсть татарчонка, которого продал в Кумыцкой земле, а в Кумыцкой земле велел украсть девку, и вывез её тайком, положивши в сундук*». К. Валишевский писал, что в Москве надеялись получить от шаха Аббаса «*более существенную помощь. Но увы! Вместо неё князь Григорий Тюфякин привез с собой лишь прекрасную персиянку, спрятав её в чемодане*»³⁰.

Вполне возможно, что гнев шаха Аббаса был вызван также его неудачей в решении «грузинского вопроса». Православные грузины под руководством царя Теймураза и Георгия Саакадзе в 1625 г. подняли восстание против шаха, истребили иранские гарнизоны в ряде городов. По подсчетам исследователей, в 1625 г. шах Аббас потерял в Грузии около 50 тыс. воинов. В 1625–1626 гг. турки заняли весь Ирак, осадили Багдад, вновь захватили Самцхе. А тут ещё русские послы с птичьими перьями и хвостами...

После возвращения посольства в Москву, чтобы не портить отношений с шахом Аббасом, персидскому послу дали ценные подарки, а русские послы были наказаны. Вместе с князем Тюфякиным пострадал и Григорий Иванович Феофила́тьев. Его поместья и вотчины были конфискованы. В. Н. Татищев отмечал: «*Пришли послы персидские со многими дарами и жалобой*

на русских послов, Тюфякина с товарищами. Государь же их отпустил, а с ними послал Андрея Осиповича Плещеева да дьяка Микифора Талызина. А Тюфякина сослал в ссылку и деревню его роздал»³¹.

В связи с рождением наследника престола, будущего царя Алексея Михайловича (17 марта 1629 г.), Тюфякин и Феофила́тьев вскоре были амнистированы.

В источниках сохранилась запись, что в начале декабря 1633 г. (между 6 и 12 декабря) «*посланы дворяне к боярину Юрью Яниевичю Сулешову в приказ: ... Григорей Иванов сын Феофила́тьев*»³². Таким образом, в декабре 1633 г. наш герой находился в Москве и был одним из помощников боярина Ю. Я. Сулешова, который в те годы возглавлял Разбойный приказ и Приказ сбора даточных людей³³. Однако уже весной 1634 г. Григорий Феофила́тьев выехал из Москвы к новому месту службы. В 1634 г. мы видим Григория Ивановича Феофила́тьева воеводой в Саратове, где он сменил прежнего воеводу Степана Чемесова.

Каким же был левобережный Саратов к тому времени, когда туда приехал Григорий Феофила́тьев? Благодаря Адаму Олеарию и его сочинению (включая карту местности и подробный рисунок) мы можем довольно точно определить расположение этого города, а также его внешний вид. По состоянию на 1635 г. сведения о гарнизоне Саратова в Книгах разрядных следующие: «*На Саратове Григорей Иванов сын Феофила́тьев, а с ним: детей боярских 18 ч., с головою да с 3 ч. сотники 150 ч. стрельцов конных, да 250 ч. стрельцов пеших, пушкарей 6 ч., сторожей и воротников и кузнецов и плотников и деловых людей 12 ч., да годовальщиков из Понизовых городов, которые выше Казани 100 ч. стрельцов*»³⁴.

О том, сколько конкретно было этих деловых людей по каждой категории, даёт представление запись в Книгах разрядных за следующий, 1636 г. (именно в этом году проплыл мимо Саратова Адам Олеарий, а воеводой в городе продолжал оставаться Григорий Феофила́тьев). В Саратове было 5 сторожей, 2 воротника, часовник, кузнец, плотник, пивовар. Часовника и пивовара дьяки Разрядного приказа отнесли к деловым людям³⁵.

Источники позволяют выяснить, из каких конкретно городов отправлялись в Саратов годовальщики. В 1636 г. это были стрельцы из Цивильска (30 ч.), Царева Санчурска (25 ч.), Уржума (25 ч.), Кокшайска (20 ч.)³⁶.

Следует подробно остановиться на действиях Григория Ивановича Феофила́тьева в Саратове в 1634 г., после того как гонец из Москвы доставил указ о сборе пятинных денег, а также выяснить состав и занятия гражданского населения этого города.

В 1633/1634 г., когда страна испытывала хронический недостаток денежных средств, правительство вновь, как и в первые годы царствования Михаила Романова (1613–1619 гг.), вынуждено

было прибегнуть к назначению экстренного сбора денег. Тяжелая Смоленская война, особенно катастрофическое положение армии М. Б. Шеина, постоянные набеги крымских татар, формирование новых солдатских, рейтарских и драгунских полков, закупка вооружения за границей, прием на службу иностранных специалистов – всё это требовало денег. Одним из таких экстренных сборов была так называемая пятина, или «пятая деньга». По-разному определялись объект обложения и способы взимания части доходов населения. Обычно взималась пятая часть с чистого дохода и пятая часть с движимого имущества, независимо от чина и имущественной состоятельности плательщиков. Главным образом эта пятина падала на посадское население, на торговых, промышленных и ремесленных людей. Во время Смоленской войны были собраны две пятинны³⁷.

Вторая пятина была назначена приговором Земского собора 29 января 1634 г. Было указано собирать на жалование ратным людям «*запросные деньги с митрополитов, архиепископов, монастырей, с бояр, и с думных и со всяких чинов людей*», а с гостей и с торговых людей «*с животов (имущества. – Я. Р.) пятую деньгу*». В Книгах разрядных сохранилась запись: «*И Февраля в 4 день Государь ... указал те запросные и пятинные деньги со всяких людей собирать боярину князю Борису Михайловичу Лыкову, да окольничему Василью Гавриловичю Коробину да Чюдовскому архимариту Феодосью, да дьяком Михайлу Неверову да Науму Петрову*»³⁸. Сбор этого налога был поручен выборным торговым людям, которые уже в марте 1634 г. разъехались по городам для сбора в них пятой деньги. Местное население в помощь этим выборным людям выбирало из своей среды окладчиков, которые должны были оценивать имущество своих сограждан, а также составлять окладные росписи для сбора тут же взимаемого налога. На далеких окраинах государства выборных московских торговых людей заменяли местные воеводы. Воеводе Саратова Г. И. Феофила́тьеву пришлось вместе с местными окладчиками осуществлять всю эту работу вплоть до отправки собранных денег и окладных росписей в Москву.

Прежде всего необходимо выяснить, когда воевода Г. И. Феофила́тьев получил государеву грамоту о сборе пятинных денег. Воевода сам писал в своей отписке: «*В прошлом, государь, во 142-м году июня в 8 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте писано ко мне холопу твоему...*»³⁹. В самой Окладной росписи пятинны по городу Саратову запись несколько иная: «*Лета 7142-го июня в 8 день по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте Саратовские посацкие люди выборные окладчики ... сами себя и Саратовских посацких торговых людей переписывали, чем кто торгует или хто каким промыслом промышляет*»⁴⁰. Из данного документа следует, что уже 8 июня 1634 г.

окладчики приступили к переписи населения Саратова. В документах того времени фраза типа «8 июня писали нам в Саратов» означала не время написания данного документа в Москве, а время получения его уже в Саратове.

В любом случае данный документ убедительно свидетельствует, что в мае-июне 1634 г. воеводой Саратова был именно Григорий Иванович Феофилачев. Уже весной 1634 г. он уехал из Москвы к новому месту службы в Саратов. Это произошло не в 1635 г., как считал А. А. Гераклитов, и не в 1636 г., как писал А. П. Барсуков, а значительно раньше⁴¹. Возможно, Григорий Феофилачев прибыл из Казани в Саратов с первым весенним караваном, хотя не исключено, что новый воевода приехал в Саратов ещё раньше, по зимнему санному пути в феврале-марте 1634 г. прямо из Москвы.

Во всяком случае, в Москве уже весной 1634 г. знали, что Григорий Феофилачев приступил к обязанностям воеводы Саратова. Гонец из Москвы 8 июня 1634 г. (или «*приблизительно в начале следующего месяца июля*»), как считал П. П. Смирнов) доставил в Саратов новому воеводе наказ о сборе пятинных денег. Согласно этому наказу воевода Григорий Феофилачев должен был собрать деньги со всех саратовских посадских «*и со всяких торговых людей и с сосед и с подсоседников с их животов и с торгов*» пятинные деньги для выплаты жалования «*государевым ратным людям, которые стояли с боярином и с воеводами со князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским*». Князя Д. М. Черкасский и Д. М. Пожарский возглавляли после казни боярина М. Б. Шеина русскую армию.

Получив эту грамоту, воевода Г. И. Феофилачев собрал всех посадских людей в съезжую избу (по-видимому, перед ней на площади, так как в самой избе посадские люди не могли поместиться) и велел прочитать им эту грамоту. По его требованию посадские люди выбрали из своей среды пятерых окладчиков. Это были наиболее уважаемые и богатые люди. Выборную память на этих людей «за своими руками» посадские люди принесли к воеводе Григорию Феофилачеву в съезжую избу. В этом документе было написано, что окладчики – «*люди добрые и душою прямы и прожиточны*»⁴².

Кто же были эти наиболее уважаемые люди Саратова? Их имена известны, как известны их занятия и размер доходов. Это Степан Трофимов (рыбный промысел, 25 рублей), Ивашко Ульянов (лавочный промысел, 26 рублей), Олферко Степанов (лавочный промысел, 45 рублей), Томилко Ондреев (лавочный промысел, 15 рублей) и Петрунька Горшков (лавочный промысел, 25 рублей). Выборные окладчики переписали себя и всех посадских и торговых людей, «*и сосед и подсоседников, кто чем торгует и каким промыслом промышляет, ... окладывали пятиною денгою своих прожитков и с торговых людей*

всяких порознь вправду ... по крестному целованью»⁴³. Результатом их работы стала окладная роспись 1634 г. по городу Саратову. Эта роспись была скреплена двумя саратовскими священниками. Благодаря данной скрепе мы узнаём, что в Саратове в 1634 г. при воеводе Григории Феофилачеве стояла соборная церковь Св. Николая Чудотворца. В этой Никольской церкви служил соборный поп Василий.

На рисунке Олеария эта церковь изображена в самом центре города четвертой башней справа вместе с колокольной. Кроме Никольской в Саратове была ещё одна церковь (неизвестно какого престола), в которой служил поп Самсон. Скорее всего, именно она изображена на рисунке Олеария крайней справа на окраине города. Это низенькое деревянное здание с небольшой главкой и крестом на ней. Все остальные здания с шатровым верхом, несмотря на наличие на них крестов, – скорее всего, крепостные башни.

Согласно данной росписи, скрепленной двумя попами и двумя окладчиками, воевода Г. И. Феофилачев, собрав пятинные деньги (всего было собрано 121 рубль 23 алтына и 4 деньги, но не «21 руб. 71 коп.», как записано в Энциклопедии Саратовского края), отправил их 11 января 1635 г. в Москву с саратовским целовальником Микитой Терентьевым. Как видим, сбор пятинных денег растянулся почти на полгода. По-видимому, это было связано с завершением торговых операций местных жителей и отсутствием у них наличных денег. В Москве эти деньги вместе с окладной росписью и воеводской отпиской были получены 13 февраля. Зимняя дорога напрямую из Саратова до Москвы через пустынные земли мордвы заняла у целовальника Микиты Терентьева немногим более месяца.

Эта окладная роспись пятины 1634 г. по городу Саратову является важным источником для внутренней статистической и экономической истории левобережного Саратова. Роспись содержит имена 32 саратовских земских или посадских торговых людей, включая пятерых окладчиков (каждый имел свой двор), и 51 человека соседей и подсоседников. Всего перечислено 83 человека с указанием торгового и промысла каждого из них, общей стоимости имущества («животов») и исчисления пятой деньги в размере 20% этой стоимости. Большинство из этих 83 человек было занято рыбным промыслом (50 чел.) и лавочным промыслом (21 чел.). Также в Саратове жили 4 юртовщика, 4 плотника, 3 калашника и 1 сапожник.

Следует учесть, что деньги брали «*со всяких чинов людей, чем кто ни торгует и чей кто ни есть*», ни для кого не делая исключения – ни для белых людей, ни для тарханщиков, ни для маломочных людей. Поэтому можно считать, что в этот список включены все жители города, так или иначе связанные с промыслами и торговлей.

Судя по всему, в Саратове вся торговля и промыслы сосредоточивались в руках посадских

людей, а также соседей и подсоседников⁴⁴. Таким образом, немногим более 30 дворов посадских людей в 1634 г. составляли неслужилую черную слободу города Саратова, в которой жило 32 посадских торговых человека. Намного больше дворов было у служилых людей (стрельцов, детей боярских и др.), которых насчитывалось свыше 400 человек. У 51 человека соседей и подсоседников не было собственных дворов, они жили в чужих дворах – как посадских, так и служилых людей. В своей массе эти соседи и подсоседники представляли всё нетягкое, ненеслужилое и нецерковное вольное гулящее население Саратова. Эти сведения до некоторой степени восполняют недостаток писцовых данных по Саратову XVII в. Окладная роспись позволяет установить сравнительную состоятельность как саратовских посадских людей, так и соседей и подсоседников, а также степень участия этих групп населения в местных торгах и промыслах лично и своим капиталом.

Попытаемся установить, чем занимались посадские люди, а также соседи и подсоседники. Естественно, подавляющее большинство посадских людей было намного богаче соседей и подсоседников. Размер «живота» **посадских людей** оценивался в пределах 10–60 рублей (15 человек, занятых лавочным промыслом, и 5 человек, занятых рыбным промыслом). Остальные посадские имели размер живота от 2 до 8 рублей. Это 2 человека, занятых лавочным промыслом, 6 – рыбным промыслом, 1 – рыбной ловлей (непонятно, в чем отличие от рыбного промысла), 2 – калашным промыслом, а также один сапожник.

Из 32 посадских людей большая часть была занята лавочным промыслом – 17 человек. Это были наиболее богатые люди, их общий суммарный размер живота оценивался в 381 рубль. В рыбном промысле и рыбной ловле было занято 12 посадских людей, общий размер живота которых оценивался в 136,5 рубля. Два калашника и сапожник были оценены в 12,5 рубля. Таким образом, общий капитал всех 32 посадских людей был оценен в 530 рублей.

Что касается **соседей и подсоседников**, то здесь имеется некоторое отличие от посадских людей как в роде занятий, так и в размере живота. Их капитал оценивался в пределах 1–5 рублей. Соседей и подсоседников, имеющих капитал от 3 до 5 рублей было всего шестеро, а у остальных 45 человек размер живота составлял 1–2,5 рубля. Все 51 человек из данной категории в сумме имели всего лишь 78,5 рубля.

Большинство соседей и подсоседников было занято рыбным промыслом – 38 человек (60,5 руб.). В Энциклопедии Саратовского края ошибочно записано, что «из 51 семьи соседей и подсососедников в рыбном промысле участвовали 49 чел.». Лавочным промыслом было занято всего 3 человека (6,5 руб.), рыбной ловлей – 1 (1 руб.), калашным промыслом – 1 (1,5 руб.). Зато только

соседи и подсоседники занимались юртовым (4 человека – 4,5 руб.) и плотничьим промыслом (4 человека – 4,5 руб.).

Из общей суммы в 608,5 рубля посадским людям принадлежало свыше 87%, а соседям и подсоседникам, хотя их было значительно больше, – всего 13%. В среднем соседи и подсоседники обладали имуществом в 11 раз меньшим, чем у посадских людей (16 рублей и 1,5 рубля). При таких условиях мы можем считать соседей и подсоседников неустойчивым элементом, преимущественно бестяглым. Это были вольные люди, которые с небольшими запасами пробирались в окраинный город, жили по чужим дворам, находя себе занятие в рыбных промыслах, чаще всего в чужих. Также они занимались юртовым промыслом, плотничали, пекли калачи и приторговывали по мелочи. О том, что это был пришлый элемент, свидетельствуют прозвища некоторых из этих людей (Гороховленин, Вятченин, Суздальцов и др.).

До последнего времени в исследованиях по истории первоначального и левобережного Саратова ни разу не упоминались имена жителей этого города. Обычно указывались только имена некоторых воевод и стрелецких голов. Поэтому стоит привести имена простых жителей Саратова, которые действительно проживали в этом городе в 1634 г., когда в город приехал новый воевода Григорий Иванович Феофилачев.

Самыми богатыми людьми в городе были занятые в **лавочном промысле** Ивашка Филиппев (60 руб.), Сенка Овсянников (50 руб.), окладчик Олферко Степанов (45 руб.), Ивашка Олтина (35 руб.), окладчики Ивашко Ульянов (26 руб.) и Петрунка Горшков (25 руб.), целовальник Микитка Терентьев (25 руб.), Полунка Семенов (21 руб.), Микитка Родионов (16 руб.), окладчик Томилко Ондреев (15 руб.).

Среди занятых в **рыбном промысле** выделялись своим капиталом окладчик Степан Трофимов (25 руб.), Оска Кривоносов (25 руб.), Митка Родионов (20 руб.), Мишка Кисельников (17 руб.).

Остальные посадские люди имели небольшой капитал, не превышающий 10 рублей. Это были занятые в лавочном промысле Васка Агафонов, Володка Никитин, Ивашко Сухой, Онофрейко Васильев, Онтошка Перфильев, Филка Радионов, Ортюшко Черной.

Такой же небольшой капитал имели занятые в рыбном промысле Тимошка Иванов, Офонка Яковлев (в рыбной ловле), Карпунка Степанов, Оска Офонасьев, Офонка Володимиров, Ивашко Прокофьев, Тимошка Бекеш, Сенка Ильин. Калашники Гаранка Васильев и Мартышко Фомин имели 8 и 3 рубля, а сапожник Фролка Максимов – всего 1,5 рубля.

Среди **соседей и подсоседников** стоит упомянуть занятых в лавочном промысле относительно богатого Пронку Фролова (4 рубля), и маломощных Ивашку Баловня и Тренку Власьева (1–1,5 рубля). По сравнению с ними несколько

богаче были заняты рыбным промыслом Юрка Иванов (5 рублей), Вавилко Яковлев, Тараско Петров, Овдокимко Баженов, Гаврилко Федоров, Кондрашко Замяткин, Любимко Рожа, Любимко Фомин, Гришка Яковлев, Лучка Константинов, Сенка Цыпин (по 2–3 рубля).

Остальные 37 соседей и подсоседей были маломощными (их капитал составлял 1–1,5 рубля). Это были занятые рыбным промыслом и рыбной ловлей Агейко Лаврентьев, другой Гришка Яковлев, Ивашко Ботемской, Олешка Иванов, Фетка Матушкин, Лучка Вятченин (возможно, приехал из Вятки), Ивашко Давыдов, Гришка Зотов, Лучка Татарин (новокрещенец либо мусульманин), Серешка Малафьев, Тренка Гороховленин (приехал из Гороховца), Гаврило Елизарьев, Панка Ондреев, Якушка Федоров, Васка Кулпа, Микитка Иванов, Ивашко Седенькой, Якушка Горкунов, Ортношко Максимов, Исачко Олферьев, Мишка Федоров, Мишка Тиханов, Епишка Ондреев, Ивашко Проскурнин (возможно, мать была проскурница), Ивашка Максимов, Сережка Оксин, Олешка Суздальцов (приехал из Суздаля), Ивашко Иванов, Сидорко Осипов.

Бахтеар Комнин имел калашный промысел, Ивашко Турус, Корпушко Китаев, Илюшка Семенов, Елфимко Ермольев – юртовой промысел, а Ивашко Фролов, Якушко Григорьев, Гордюшка Матвеев, Митка Иванов – плотничный.

При предшественнике Г. И. Феофилаьева воеводе Саратова С. В. Чемесове началось освоение богатств окрестностей города московским Новоспасским монастырем, который постепенно стал захватывать все прибыльные рыбные ловли и имел значительные привилегии. Всё началось в 1631 г., когда архимандриту этого монастыря Иосифу с братией были пожалованы рыбные ловли на оброк в саратовских иргизских водах, «а оброку указали имати с тех рыбных ловель по двадцати рублей на год». Ранее этот монастырь имел рыбные ловли далеко на севере, в Варзуге, что было убыточно для монахов. Эту грамоту от 26 декабря 1631 г. привез из Москвы саратовскому воеводе Степану Чемесову служка Новоспасского монастыря Перфилько Мелентьев 17 февраля 1632 года⁴⁵. При воеводе Г. И. Феофилаьеве в марте 1635 г. эти саратовские иргизские ловли было велено отписать на государя, а вместо них Новоспасский монастырь по челобитной архимандрита Иосифа получил саратовские подгородные Курдюмские и Чирлатовские рыбные ловли. Ранее эти ловли находились на оброке за нижегородскими посадскими людьми «за Богдашком Кокшаровским да за Ивашком Охтиным с товарищи». Размер оброка остался прежним – 20 рублей⁴⁶. По указанию из приказа Казанского дворца воевода Г. И. Феофилаьев отдал саратовские иргизские ловли откупщику нижегородцу Матюшке Козлову.

Не прошло и года, как монастырская братия выяснила, что новые Курдюмские и Чирлатовские рыбные ловли не прибыльны, так как монастырю

была дана на них «одна летняя ловля, а осенней рыбной ловли и зимнего промыслу не дано». После очередной челобитной архимандрита Иосифа последовала новая грамота воеводе Г. И. Феофилаьеву из приказа Казанского дворца от 22 марта 1636 года. В соответствии с этим указом, начиная с 26 декабря 1636 г., «как откупной срок Нижегородцу Матюшке Козлову дойдет», Новоспасский монастырь мог владеть по-прежнему старыми Иргизскими ловлями, но теперь уже круглый год. Воеводе Григорию Феофилаьеву также было приказано Курдюмские и Чирлатовские воды отдать на откуп с прибылью, «для чего на Саратове на торгу кликати бирючу по многие торговые дни»⁴⁷.

В Саратове в период пребывания на воеводстве Г. И. Феофилаьева находились дворовые места, амбары и склады крупнейшего ярославского гостя Надеи Светешникова. Известно, что этот предприниматель занимался наряду с другими торговыми и промышленными операциями завозом хлеба из центральных районов страны в Астрахань. По-видимому, гарнизон и жители Саратова также покупали этот хлеб (хлебного жалования служилым людям явно не хватало). Свою торговлю хлебом с Астраханью Н. Светешников осуществлял и в 1630-е, и в 1640-е гг., даже тогда, когда основное внимание этого гостя было обращено на Самарскую Луку, где он создал промыслово-земледельческий и военный комплекс Надеинское Усолжье⁴⁸.

Только после угасания промышленной «империи» Светешниковых в 1652 г. их дворовое место в Саратове и ещё три дворовых места были пожалованы все тому же Новоспасскому монастырю⁴⁹.

Город Саратов, с того момента, когда туда прибыл воевода Г. И. Феофилаьев, стал для Новоспасского монастыря базой: здесь находились монастырские амбары, склады, постоянная контора монастыря для управления Волжскими и Иргизскими рыбными ловлями. Монастырь сам занимался доставкой соли и рыбы из Саратова в Москву.

Летом 1636 г. жители левобережного Саратова и воевода Григорий Феофилаьев впервые встречали у себя грузинских послов во главе с нареченным митрополитом греком Никифором, которого царь Теймураз отправил в Москву с просьбой о помощи и с призывом к объединению всех христианских сил (в Москву послы прибыли 8 октября). Подробности этого пребывания грузинского посла в Саратове неизвестны (следующие приезды митрополита Никифора в Саратов хорошо освещены в источниках). Скорее всего, митрополит Никифор в сопровождении соборного попа Василия посетил Никольскую церковь, присутствовал на службе. Последний раз грузинские послы приезжали в Москву 30 лет назад, накануне Смутного времени в 1604 г.

Вскоре после отъезда грузинских послов из Саратова в Москву мимо города проплывал ко-

рабль с голштинскими послами, среди которых был Адам Олеарий. Однако, это событие мало отразилось на жизни левобережного Саратова. Большой парусный корабль, на котором находились голштинские послы, не делал остановки в этом городе, а пользуясь попутным ветром, 1 сентября 1636 г. проплыл мимо.

О втором посещении митрополитом Никифором Саратова летом 1637 г., а также о лицах, сопровождавших его в этой поездке, стоит остановиться более подробно. Это посещение доставило немало хлопот воеводе Григорию Феофилаьеву под самый конец его саратовской службы. 25 июня 1637 г. митрополит Никифор выехал из Москвы. Вместе с грузинским послом было отправлено к царю Теймуразу русское посольство князя Федора Федоровича Волконского и дьяка Артемия Хватова⁵⁰.

В состав данного посольства кроме переводчиков, толмачей, подъячих, кречетников и др. входили многие известные церковные деятели, среди которых можно назвать архимандрита Ипатьевского монастыря Иосифа, а также Арсения Суханова. Они везли с собой к царю Теймуразу большое количество книг и церковной утвари (в том числе около 300 икон), а иконописцы и «оконные мастера» – все необходимое для своего ремесла («500 листов золота красного, 500 листов золота двойного, 1000 листов серебра и т. д.»)⁵¹.

Если учесть, что отъезд послов из Москвы состоялся 25 июня 1637 г., а из Астрахани послы отплыли в первых числах октября и уже 10 октября были в Терском городке, то можно предположить, что в августе 1637 г. посольский караван проплыл мимо Саратова, где сделал кратковременную остановку. Воеводе Феофилаьеву пришлось не только встречать и провожать этот караван, но и выделить для сопровождения знатных послов значительные силы местного гарнизона. А. А. Герасимов к августу 1637 г. относит смену саратовских воевод: прежний воевода Григорий Иванович Феофилаьев передавал дела новому воеводе князю Ивану Федоровичу Большому Шаховскому⁵². Возможно, новый воевода прибыл в Саратов вместе с посольским караваном. После передачи дел и выполнения необходимых формальностей Григорий Феофилаьев осенью 1637 г. вернулся в Москву. Возможно, вместе с ним в Саратове находилась его семья. Известен его сын, Василий Григорьевич, который дослужился до чина стольника и так же, как отец, был воеводой в Саратове (1650–1651 гг.).

О дальнейшей судьбе Г. И. Феофилаьева сведений почти не сохранилось. Он вместе с сыном Василием упоминается в Боярской книге 1639 г.

Таковы основные этапы жизненного пути одного из малоизвестных воевод Саратова, Григория Ивановича Феофилаьева.

Хочется надеяться, что эта первая попытка воссоздания биографии одного из воевод Саратова, несмотря на отрывочность и фрагментарность

приведенных сведений, заинтересует не только саратовских краеведов, позволит полнее представить образ этого человека, а также открыть новые страницы истории левобережного Саратова.

Примечания

- ¹ Герасимов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 66; Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 584.
- ² Записная книга Московского стола, 1636–1637 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 7.
- ³ Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 34.
- ⁴ Жильцы – категория служилых людей по отечеству, занимающая промежуточное положение между чинами московскими и городовыми. Они жили по выбору некоторое время в Москве. По своему статусу близки к дворянам по выбору.
- ⁵ См.: Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 210, 232, 273, 348.
- ⁶ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 339; Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 195–196, 234.
- ⁷ Возможно, некоторую информацию о нашем герое содержит Родословная роспись Кузьминых-Караваевых и Феофилаевых, выписки из которой приведены в Актах Александра Юшкова (родосл. столб. № 88, склейка 9). См.: Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и изд. А. Юшков. Ч. 1 (1257–1613 гг.). М., 1898. № 261. С. 279–280.
- ⁸ Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2003. № 39. С. 140.
- ⁹ Разрядные столбцы 122–124 гг. сыска денежных окладов // Четвертики Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / пред. Л. М. Сухотина. ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 197. См. также: Сухотин Л. М. Предисловие // Там же. С. XX–XXI.
- ¹⁰ См.: Белокуров С. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 2 (221). С. 15.
- ¹¹ См.: Тюменцев И. О., Тюменцева Н. Е., Тупикова Н. А. Дело дворянина Григория Аргамакова как источник по истории суздальского дворянства // Вестн. Волгоград. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1(13). С. 132.
- ¹² См.: Сторожев В. Н. Боярский список 119-го году, сочинен до московского разорения при Литве с письма думного дьяка Михаила Данилова // Сторожев В. Н. Материалы по истории русского дворянства. ЧОИДР. 1909. № 3(230). С. 95.

- 13 Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 153. См. также: Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 297.
- 14 Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. 1. (1614–1627). СПб., 1853. Стб. 80.
- 15 Книга, а в ней писаны бояре, и окольничие и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов ... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / под ред. Н. А. Попова. Т. 1. (1571–1634). СПб., 1890. № 108. С. 146.
- 16 Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009.
- 17 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 297; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 407.
- 18 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 350; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 545.
- 19 Славянская энциклопедия. XVII век : в 2 т. Т. 1. А–М / автор-сост. В. В. Богуславский. М., 2004. С. 560.
- 20 *Герасимов А. А.* Указ. соч. С. 66.
- 21 См.: *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
- 22 Дворцовые разряды Т. 1. Стб. 440; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 874.
- 23 См.: Дворцовые разряды Т. 1. Стб. 462, 524; Книги разрядные. Т. 1. Стб. 765.
- 24 Книги разрядные. Т. 1. Стб. 928.
- 25 См.: *Герасимов А. А.* Указ. соч. С. 66.
- 26 См.: Дворцовые разряды Т. 1. Стб. 729; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 152.
- 27 *Татищев В. Н.* История Российская : в 7 т. Л., 1968. Т. 7. С. 167.
- 28 См.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. : в 18 кн. М., 1995. Кн. V. Т. 9. С. 163–164.
- 29 *Филатова Т.* «А к шаху в его платье не ходити». Российские дипломаты при дворе Аббаса Великого // Родина. 2009. № 12. С. 158–161.
- 30 *Валишевский К.* Первые Романовы. М., 1993. С. 47; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. 9. С. 163–164.
- 31 *Татищев В. Н.* Указ. соч. С. 168.
- 32 Записные книги Московского стола 1633/1634 г. // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 539.
- 33 *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 139, 153, 299.
- 34 Книги разрядные. Т. 2. Стб. 819.
- 35 Там же. Стб. 922.
- 36 Там же. Стб. 927–929.
- 37 См.: *Сташевский Е. Д.* Пятина 142 года и торго-
во-промышленные центры Московского государства // ЖМНП. 1912. Кн. IV, V.
- 38 Книги разрядные. Т. 2. Стб. 611–627 (цитата – стб. 621).
- 39 Отписка Саратовского воеводы Григория Ивановича Феофиладельца о сборе пятинных денег и отсылке их вместе с окладной росписью в Москву 11 января 1635 года // Труды СУАК. Вып. 33. Саратов, 1916. С. XII–XIII.
- 40 Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Там же. С. XIII.
- 41 См.: *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 66; *Барсуков А.* Списки городовых воевод... С. 202.
- 42 Отписка Саратовского воеводы Григория Ивановича Феофиладельца // Труды СУАК. Вып. 33. С. XII.
- 43 Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Там же. С. XIII.
- 44 *Смирнов П. П.* Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года. С. VI.
- 45 Грамота из приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Степану Васильевичу Чемесову о пожаловании Новоспасского монастыря архимандриту Иосифу с братьями рыбных ловель на оброк в саратовских иргизских водах. Москва. 1631 г., декабря 26 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 4. С. 439–441.
- 46 Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Григорию Ивановичу Феофиладельцу об отдаче на оброк Новоспасскому монастырю (архим. Иосифу) саратовских подгородних Курдюмских и Чирлатовских рыбных ловель, вместо Иргизских, которые велено отписать на государя. Москва. 1635 г., марта 12 // Там же. С. 441–445.
- 47 Грамота из Приказа Казанского дворца к воеводе Феофиладельцу об отдаче Новоспасскому монастырю вместо Курдюмских и Чирлатовских вод ... по-прежнему Иргизских вод. 1636, марта 22 // Там же. С. 445–446.
- 48 *Дубман Э. Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII в. Самара, 1999. С. 184–192.
- 49 Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Алексею Пантелеевичу Чирикову о пожаловании Новоспасскому монастырю в г. Саратов дворового места бывшего Светешникова и ещё трех дворовых мест. 1652, мая 24 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1. Вып. 4. С. 446.
- 50 Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 535.
- 51 *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968. С. 112, 125; *Белокуров С. А.* Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637–1640) // Христианское чтение. 1884. Март-апрель.
- 52 *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 66.